

ИЗВЕСТИЯ

«Всегда был и остаюсь интернационал-социалистом»

Классик советской литературы — о мостах между культурами, славе Гагарина и природном билингвизме

В апреле в Москве выходит обновленная и дополненная книга «Аз и Я» Олжаса Сулейменова. Писатель Сергей Шаргунов поговорил с поэтом и литературоведом о его судьбе, творчестве и культурных реалиях России и Казахстана.

— Олжас Омарович, книга 1975 года «Аз и Я», посвященная «Слову о полку Игореве», вскоре после издания была изъята из продажи и привела к вашей опале. Насколько я знаю, вы по-прежнему верны своей концепции: памятник древнерусской литературы — это наполненная тюркизмами двуязычная поэма.

— «Слово» написано в XII веке. Кто тогда читал светскую литературу? Грамотная элита Киевской Руси (княжеские дворы, воинство, торговцы), находившаяся в многовековом культурно-хозяйственно-политическом взаимодействии со Степью. Поэтому двуязычие этой среды в XII веке было естественным. В XVI веке (условно говоря — после ига) монахи переписывали тексты светского содержания с дорогого пергамента на бумагу. Пергамент нужен был для распространения Священного Писания. И переписчик, как мог, переводил явные тюркизмы и отдельные куски поэмы, написанные явно по-тюрки (например, сон Святослава).

Языковая ситуация в XVI веке изменилась. Но те тюркизмы, которые еще были в ходу в русской речи, он пропускал, не переводил. Они ушли из русского языка позже, в следующие столетия. Но читатели XIX века — Мусин-Пушкин и другие — приняли их за русские термины. Например, в ответ на вероломное нападение Игоря на кочевья своего свата — Кончака половцы совершают ответный набег на русские города. Читатели XIX века разбили сплошные строки текста на слова по своему усмотрению, и получилось: «Се у Рим крчат под саблями половецкия». Почему-то до Рима довела Кончака жажда мести. Так получилось при разбивке строки.

А в оригинале, думаю, было «се урим...». Урим и сегодня в татарских диалектах — «коса девичья». Живая картина тогдашних расправ — рубить косы девушкам, значит, обесчестить их. Главное доказательство подлинности «Слова» — это остатки его бывшего двуязычия. Потому что гипотетическому фальсификатору не было нужды вклинивать в текст явные и уже к тому времени неявные, невидимые тюркизмы, коих в «Слове» предостаточно.

— Вы общались с писателем и тюркологом Львом Гумилевым?

— Я увлекся тюркологией благодаря Гумилеву. Еще студентом-геологом прочел его книгу «Древние тюрки». Не помню, когда увидел в «Комсомольской правде» его интервью, где говорилось и о моем творчестве, и об отце. Корреспондент спросил его, как он относится к книге «Аз и Я». Лев Николаевич ответил, что относится отрицательно, но со статьей против не выступал и не выступит, потому что сидел с отцом автора.

Сын двух поэтов — Анны Ахматовой и Николая Гумилева — побывал в двух лагерях: Норильском и Карагандинском. В каком из них он встретился с военным из Алма-Аты Омаром Сулейменовым?

— В 1989 году осенью мне удалось быть в Ленинграде и встретиться с Львом Николаевичем. Мы были не одни, и потому подробно поговорить не удалось. Но я понял свою главную ошибку. В «Аз и Я» мною названы и процитированы многие историки и филологи, в том числе тюркологи. Но фамилии «Гумилев» нет. А он тогда был ученым-изгоем. На него не ссылались, не цитировали. И я ни разу не упомянул. Просто потому, что он «Словом» не занимался специально. Надо было в той книге признаться, что считаю его своим учителем. Сейчас в Астане есть Государственный евразийский университет имени Гумилева.

— Что вас радует в жизни?

— Возможность писать и читать.

— Какая литература на вас повлияла?

— Любил читать себе вслух «упругий стих» Лермонтова, Блока, Симонова... Из казахских поэтов XIX века — Махамбета Утемисова. Я предложил Андрею Вознесенскому перевести его сборник. Он перевел. Но это был уже не Махамбет, а слегка казахизированный Андрей. Поэтому издательство правильно отклонило книгу. Зато у Андрея появился великолепный цикл — «Читая Махамбета». Из прозы я бы назвал «Тихий Дон».

— Кто из авторов был вам близок, кто интересен сейчас? Или всегда было ощущение отдельности?

— Ощущение отдельности было и есть у каждого пишущего. Это нормально для творческой среды. Но при этом были факторы, объединяющие отдельных в группы. Социальные, национальные, религиозные меня, например, не задевали. Но были и другие, наработанные видом Н. S. («Человек мыслящий»), которые сближали меня со многими коллегами в разных республиках СССР. После распада мы перестали встречаться и читать друг друга. Новая русская литература почти неизвестна в наших независимых государствах. Увы, можно сказать, независимых от литературы. Освобождаемся от нее. В том числе и от собственной.

— Ощущаете себя мостом между культурами?

— Когда-то написал об арочных мостах. «Мосты — мои сутулые дороги. Мои стихи...» Арочные мосты обычно дольше держатся. Веками. В применении к своим стихам, может быть, и нескромно, но — примеров в мировой словесности накопилось много.

— Говорят, слава пришла к вам вместе с Гагариным.

— В январе 1961-го я из Москвы уехал в Алма-Ату, в марте еле устроился на работу в редакцию газеты «Казахстанская правда» отвечать на письма местным графоманам. Редактор Федор Боярский знал, что подборка моих стихов печаталась в «Литературной газете». 11 апреля вызвал: «Заготовь стих о полете человека в космос. Завтра должен полететь. Наш человек. Ты — инженер, поэтому понимаешь, что это значит для человечества. Вот и растолкуй». К вечеру я принес ему страницу со стихами.

А 12 апреля меня разбудили сестренки. «С самолета сбрасывают!» Принесли кипу разноцветных листовок со вчерашними стихами. Они обежали весь город и собрали чуть ли не полное собрание моего сочинения.

Народ весь на улицах. Такого ликования, всеобщей радости я не помню с 9 мая 1945-го. Два великих праздника запомнились в XX веке. Мало, конечно, но они были! Это необыкновенное возбуждение передалось мне, и я за

неделю написал поэму «Земля, поклонись Человеку!» Она зазвучала на радио, отрывками печаталась в газетах, вышла отдельной книжкой.

— **Вы всю жизнь пишете на русском.**

— В Алма-Ате, когда пришла пора идти в школу, не было ни одной школы с казахским языком обучения. И геологию учил на русском, и в Литинституте учился на русском. Казахский с детства узнал от бабушки и деда, и потому смог перевести на русский стихи нескольких поэтов. В том числе поэтессы Надежды Лушниковой, которая с детства пишет на казахском. Вот такой у нас край, Казахстан. Здесь всегда было распространено двуязычие.

Сюда переселяли и переселялись со всего Союза. Русские, немцы, чеченцы, ингуши, поляки, оказавшиеся в степи, узнавали казахский. Для сосланных карачаевцев, балкарцев и крымских татар это родной язык. А казахи в городах знали русский. Так что нам понятие интернационала оказалось более доступным, чем моноэтническим странам. И, может, природный билингвизм помог мне увидеть в «Слове о полку Игореве» следы бывшего русско-половецкого двуязычия.

— **Вы недавно заявили, что Казахстану опасно становиться мононациональным государством.**

— Любому современному государству опасна моноэтничность. Особенно такой территориально великой стране как Казахстан. Всего 10 млн казахов, и 8 млн других этносов — русские, украинцы, узбеки... До ста наименований. «Пять Франций». А населения — как одна Москва с окрестностями. И великие богатства под землей еще остаются. И на поверхности — миллионы гектаров плодородной земли.

Кто позволит казахам одним распоряжаться таким богатством? С юга и востока — многолюдные, но относительно бедные территории. Об этом надо постоянно помнить сторонникам моноэтнизма, мононационального государства. Я за то, чтобы все национальности наши стали единой гражданской нацией. В этом залог нашего будущего.

— **Вы сильно менялись? Можно ли сказать, что оставались последовательны?**

— Думаю, я — тот же, что и в 1960-х, 1970-х. Может быть, только слегка постарел. Понимаю, что вопрос касается убеждений. От слова «социум» («общество») происходит и социализм. Он бывает разный, но я всегда был и остаюсь интернационал-социалистом.

— **В ваших стихах всегда есть загадочное драматическое напряжение. Что это за драма?**

— Драматическое напряжение, о котором говорите, нарастало в наших обществах весь XX век, разряжаясь разрядами, памятными всем. И в XXI продолжается этот естественный процесс, и поток повседневной жизни привычно подчиняется сценарию непридуманной, нескончаемой драмы.

Напряжение социума передается чувствилищам наций. Кажется, так Горький назвал поэтов. Не верю, что прозаики не ощущают ударов этого тока.

— **Андрей Вознесенский написал стихи «2 секунды 20 июня 1970» о том, как вы с ним попали в аварию. Было такое?**

— Это было возле Алма-Аты. У нас гастролировал театр «Современник». На один из спектаклей прилетел Андрей, и мы с его знакомой актрисой (впрочем, она была знакома всему Союзу) поехали за город, на озера. Развели костер. Возвращались под утро. Я за рулем. На резком повороте опрокинулись. «Двадцать метров полета, пара переворотов». Так он описал момент. «Бедная твоя мама, бежала, руки ломала: «Олжас, не седлай АТЕ, сегодня звезды не те...»

Она, наверное, имела в виду не тех звезд, что поехали с нами. Моя мама Фатима, провожая нас после чая на прогулку за город, и вправду советовала нанять такси. Но тогда Андрей не увидел бы, как табличка с автомобильным номером 37-70 «ползет по траве — как срок жизни через тире». И не было бы такого окончания:

Враги наши купят свечку

и вставят ее в зоб себе.

Мы живы, Олжас, мы вечно

будем в седле!

— **Как надо воспитывать детей?**

— Надо научить их читать. Мировая литература их воспитает.

— **Вы много раз бывали в странах Азии и Африки, работали послом в Италии, Греции. Представляете Казахстан в ЮНЕСКО... В какой стране вам было всего интереснее?**

— Мне запомнилась Кения. Там человек не как старший брат себя ощущает, а как равный с братьями меньшими. Хотя слона или жирафа меньшим назвать трудно. Нигде раньше, да и потом, я не ощущал такого единения растительности и живой природы, как в этой стране, которая к тому же и

закономерно оказалась родиной нашего вида. Там возник Человек Мыслящий. Оттуда он пошел по планете. Меняя цвета глаз, волос, кожи.

— **Еще в 1963 году вы писали: «Казахстан, ты огромен — пять Франций — без Лувров, Монмартров. Уместились в тебе все Бастилии грешных столиц...» Что для вас Казахстан? Что его ждет? Не грозят ли ему потрясения? Будет ли он близок к России?**

— Это и мои вопросы. Они возникли сразу с начала 1990-х, когда мы получили самостоятельность. С годами они должны были сойти на нет. Однако остаются.

— **А что для вас Россия?**

— Россия — законная наследница СССР. По документам даже. Я бы хотел, чтобы она унаследовала все лучшее, что было наработано в Советском Союзе. СССР был первой попыткой создать идеальное государство, в котором не только торжествовало бы, но и реально осуществлялось равенство социальных, национально-этническо-расовых прав. Главных прав человека.

За десятилетия строительства и выживания государства в общих чертах эта программа осуществилась. Подвела неполноценность экономической программы. Ленин теоретически обосновал приоритет государственной и народной (коллективной) собственности, которые должны были полностью заменить частную, разделяющую общество на бедных и богатых. Сталин своими методами решил эту задачу. Это стоило миллионов жизней.

В эпоху перестройки просто решили немедленно преобразовать экономику и идеологию страны по американско-европейскому образцу. И сокрушили здания государственной и коллективной собственности, чтобы из их обломков наскоро соорудить шаткий небоскреб частной. Важно осмыслить, обдумать крах СССР. Перестройка была построена на импровизе, случайных и неслучайных подсказках извне. Если бы Горбачев перед этим собрал из разных республик, а не только из Москвы, мыслящих людей и предложил им превратить идею перестройки в проект программы, а потом — обсудить проект! Это был бы всенародный Совет. Тогда еще можно было и сохранить, и внутренне укрепить Советский Союз.

— **Вы религиозны?**

— В трудные минуты прошу у Него помощи. Наверное, все так поступают, даже самые крайние атеисты.

— **А чудеса у вас в жизни происходили?**

— Не так давно случилось чудесное. Был проездом в Павлодаре. Решил посетить место, где похоронен Жаяу Муса (Пеший Муса) — знаменитый поэт-импровизатор, сам сочинял тексты, мелодии к ним, исполнял под домбру. В Первой мировой был в русской армии, в пехоте. Возможно, поэтому его и прозвали Пеший Муса. Но он сочинил другую причину — якобы любимого коня у него через суд отнял местный богач. Веселую песню об этом казахи поют до сих пор. Жаяу Муса — брат моего деда Узун Сулеймена (Длинного Сулеймена), и поэтому положено хотя бы раз в несколько лет посещать это место.

Три часа по заснеженной степи на вездеходе. По дороге — ни одного поселка: заповедник. Подъехали к одиноко стоящему невысокому мазару около холма. Вышли из машины. Солнечный зимний день. Вселенская тишина. И мы постояли молча. Водитель слегка коснулся моей руки — на вершине холма появились три архара. Просто поднялись с другой стороны холма. Никогда и нигде не видел стоящего архара так близко. А тут — три необыкновенных красавца, как духи этой возвышенной степи, возникли, чтобы взглянуть — кто потревожил великую тишину?

Появились, постояли и спокойно, не торопясь, ушли, спустились с холма, пропали. Такое поведение архаров и водителю, жителю этих краев, показалось чудом. А я, кажется, понял символику этого явления. Когда-нибудь найдутся слова, способные доступно объяснить эту поразительную метафору...